

Общественная важность темы хронологии древности

В качестве вступления

Любое устное или печатное заявление, содержащее не вполне качественную информацию, способно вызвать волну протеста. Любой спорный тезис порождает контртезис, а затем эти контртезисы становятся материалом для статей и книг¹. С одной стороны, это одно из проявлений знаменитого гегелевского закона единства и борьбы противоположностей, а с другой - одно из проявлений отстаивания такой извечной культурной ценности, как правда. И так возникает то течение, которое можно назвать бесхитрым словом альтернативизм...

С точки зрения современного информационного поля картина альтернативизма выглядит весьма колоритно, подчиняясь всем законам диалектики: чем мощнее выглядят ошибки, некорректности, экстравагантности в тезисах изначальных, тем мощнее выглядит волна контртезисов, или волна альтернативизма. Многие к этому давным-давно привыкли: к примеру, в США разоблачения давно признаны пиаровски интересной темой, и этим предопределено то место, которое они занимают в американском информационном поле. В отдельных проявлениях современной популярной культуры отдельные приемы альтернативизма превратились в приемы черного пиара, когда необходимо хоть что-то для задания популярности, а другие приемы себя изжили. Если сказать языком попроще, когда преснятина скучна, всегда неплохо что-то соленькое.

С этой точки зрения было бы интересно взглянуть на альтернативизм исторический. В отличие от черного пиара, о котором шла речь абзацем выше, он имеет несколько иной вид: опровержение тех исторических догм и мифологем, которые можно счесть вредными. К примеру, когда в облике давно известных героев прошлого вдруг оказывается истинно героического не очень и много, а не очень героического, очень героического и даже антигероического – не очень мало.

Особенно ярко это видно, когда затрагиваются вопросы хронологии древности и средневековья. Там очень часто речь идет о мифологемах, но (здесь начинается самое пикантное) – о мифологемах датированных. Причем изложение этих мифов очень часто выглядит как изложение истин в последней инстанции, ибо излагаются они... на страницах школьного учебника истории. Причем в самом изложении материала на страницах учебника истории часто открытым текстом говорится, что все излагаемое

¹ Прим. - Здесь, разумеется, можно говорить о том, что тезис изначальный и тезис оспариваемый носили субъективный характер, а по сему сам предмет оспаривания может быть, а может его и не быть. Вдаваться в подобные детали не хочется, а хочется другое: очертить, хотя бы приблизительно, смысл этого понятия.

– легенды (насколько автору этих строк помнится, именно так были преподнесены в учебнике для пятого класса средней школы сведения об основании Рима Ромулом и Ремом и о походах Александра Македонского). Но: упускается из виду, что легенды нельзя датировать. Почему? Сейчас автор попытается обосновать этот тезис с точки зрения психологии и педагогики.

Особенности восприятия и обработки информации у различных типов людей различны. По глубине обработки их можно подразделить на тех, кого интересуют лишь сами отличительные признаки (длинный – короткий, красный-зеленый, вежливый - грубый), и на тех, чей интерес не ограничивается лишь самими отличительными признаками, а еще простирается на их количественное сравнение (для конкретности: если длинный или короткий, то насколько, заряжая тем самым интерес к количественному сравнению). О последних, у кого выражен интерес к количественному сравнению, говорят как о людях с т.н. «логическим», или «математическим» складом ума, а вот тех, у кого интерес не простирается столь глубоко - как о людях с т.н. «художественным» складом ума и типом мышления. Или: как о людях объективного и субъективного типа личности (объективиках и субъективиках).

Итак, особенности обработки информации при ее поступлении таковы, что у людей этих типов таковы, что у субъективов на первом плане оказывается образ в целом и его отдельные параметры, а у объективов – результаты количественной оценки, как образа в целом, так и его отдельных параметров. Иными словами, образность для субъективов и количественные оценки для объективов оказываются основополагающим факторами формирования представлений о поступающей информации.

При этом, что касается субъектива, то у него картина в целом, складывающаяся на основании поступающей информации, будет включать малейшие детали, а что касается количественных оценок, то они окажутся вне сферы первостепенного интереса (если не сказать жестче - будут иметь второстепенный характер).

Что же касается объектива, то у него в формировании этой же картины малейшие детали образа объектов не будут выходить на первый план, а на первый план выйдут вопросы количественного сравнения отдельных характеристик объектов, которые являются неотъемлемой частью образа, и тесно связанный с ним вопросы структуризации и иерархии. Образность не будет играть той же роли, что у субъективов.

При постепенном стирании информации у субъективов остается образ объекта (образы объектов) в целом, а у объективов – его (их) количественные параметры. Если затронуть такой пикантный вопрос, как источники раздражения, то для субъективов таковым было бы безобразие, то есть дисгармония в получившейся системе образов в целом во многих проявлениях этого, а для объективов - фактические количественные ошибки в определении физических параметров.

Подобное разделение людей на объективов и субъективов имеет объ-

яснение на физиологическом уровне. Как известно, у человека правое и левое полушария мозга развиты по-разному и отвечают за разные вещи. Согласно работам лауреата Нобелевской премии Роджера Сперри, «левая половина мозга отвечает за логические операции, счет, установление последовательностей, тогда как правое полушарие контролирует инициативу и творчество». Итак, логика – за левым полушарием мозга, образность – за правым.

Еще хочется прибавить, что к объективный тип личности в основном распространен среди мужчин, а субъективный – среди женщин. Хотя далеко не среди всех типов.

Теперь – от изложения теоретических положений в области психологии и физиологии к реалиям исторической науки. Субъективность любого исторического текста, в том числе и такового из учебника истории, проявляется, помимо прочего, в том, что он может давать те или иные оценки описываемым событиям. При этом нагрузку испытывает та часть мозга, которая отвечает за образы, как только что выяснено – правая часть. При этом сама структура образов может оставаться сложной, а в памяти будут оставаться лишь отдельные детали, которые закрепляются ассоциативным художественным мышлением. Текст в целом значительно легче воспринимается субъективиками, так как объективикам он в таком виде просто вряд ли покажется интересным.

В том случае, если к словесному описанию в тексте прибавляются некие цифры, у людей объективного типа личности (повторимся, к таковым принадлежит большинство мальчиков), очень часто именно цифры благодаря склонности последних к запоминанию однопараметричной информации закрепляются лучше всего и играют роль стержневых при запоминании всего объема информации в целом. Первые цифры, которые выходят на поверхность при описании событий, связанных с глубокой древностью – это цифры, связанные с ответом на вопрос «Когда?», т.е. с хронологией. Как, к примеру, уже упомянутые сведения об основании Рима Ромулом и Ремом и о походах Александра Македонского.

Таким образом, в случае упоминания некой цифры, связанной с числом лет, особенно в связи с датировкой событий древнего мира, в голову школьника 10-15 летнего возраста автоматически внушается мысль обо всей структуре образов, связанных с этой цифрой. Действительно: если есть ответ на вопрос «когда?», то четко описан один из параметров события, и в этот момент у человека с развитой объективной логикой сработает четкий ассоциативный ряд: если есть четкий ответ на этот вопрос: «когда?», то, значит, будут даны ответы на другие вопросы, связанные с этим событием: «где?», «кто участвует?», «что происходит?», «как при этом выглядит исторический фон» и т.д. А это в итоге значит, что событие – совсем не легенда, хоть это и оговаривается в учебнике истории, а нечто вполне достоверное. Критичность в этом возрасте, как правило, отсутствует, а вот детская жажда знаний способствует тому, что информация впитывается, как губка. Тем более что материал претендует на "многовековую мудрость".

Что касается такого процесса, как передача информации при отсутствии критичного механизма восприятия, то мы относительно его можем охарактеризовать не только словом «внушение», но и словом «зомбирование». Подобные игры с хронологией, увы, духовно далеко не безвредны: автор попытался продемонстрировать интеллектуальный механизм того, как легенда превратилась в неоспоримую реальность. В представлении школьника объективного типа личности.

В целом: следуя подобной логике, если продатировать, даже оставив упоминания о легендарности, не только уже упомянутое основание Рима Ромулом и Ремом, но и, к примеру, победу Алеши Поповича над Тугарином Змеевичем или победу Иванушки-Дурачка над Змеем-Горынычем, то эти события также переместятся из мира сказок в мир объективной реальности. А именно на отражение этого мира претендует учебник истории. К тому же гностическая задача (лежащая в плоскости познания) исторической науки в свое время сформулирована как задача максимально достоверного описания картины прошлого.

С точки зрения автора этих строк, относительно подобного воздействия, исходящего от школьных курсов истории Древнего мира и Средневековья, которые, в свою очередь, то и дело имеет место с не вполне достоверными цифрами, с точки зрения организаторов и участников проекта, можно и нужно подавать громкие сигналы. При этом нужно учесть, что соответствующее место в школьной программе может быть легко занято менее сомнительными предметами.

А теперь давайте вспомним, что история древности, история цивилизаций, история религий входит в программу не только высших учебных заведений, но и в программу средних школ ряда стран, в том числе России. Тем самым, наверное, можно считать, что ответ на вопрос общественной важности темы хронологии древности дан.

Автор этих строк эту проблему, проблему именно с хронологией древнего мира, считает где-то даже важнее проблемы разоблачения потока фальсификаций о событиях Нового и Новейшего времени. Для конкретности, он считает эту проблему важнее проблемы выискивания потока фальсификаций, который теоретически может быть найден на страницах учебника истории о времени революции, гражданской и Великой Отечественной войн². Дело в том, что на не столь давнее прошлое простирается еще текущая историческая память. А если так, то в традиционном педагогическом треугольнике «семья – школы – улица» (на сегодняшний день он еще может быть дополнен - ... СМИ - ... Интернет) работает система противовесов. Работает она так: если что-то слишком плохое (или слишком хорошее)

² Прим. - если таковые вообще фигурируют, здесь скорее стоит вопрос выбора системы понятий политического описания и согласования различных систем между собой

было сказано о Николае II, Ленине, Сталине, Гитлере, Брежневе и т.д., было сказано на одном из концов этого треугольника (к примеру, в школе, учителем или со страниц учебника), то впечатленный этим школьник может легко выяснить мнение об этом на других концах этого треугольника (в данном случае, дома, на улице, в Интернете и т.д.). А вот что касается времен давних, то здесь что дома, что на улице смогут разве что посоветовать не забивать этим голову (что тоже, в принципе, было бы правильно). Но вот как можно более квалифицированный ответ на этот вопрос с учетом достижений современных наук тоже было бы дать неплохо, и традиционная историческая наука может дать ответ далеко не на все вопросы.

Один небольшой момент. Во всех вышеизложенных рассуждениях содержался ответ на вопрос общественной значимости темы с точки зрения вреда преподавания истории древности и средневековья в том виде, в котором она преподается в средних школах России и некоторых стран бывшего СССР и в некоторых других странах сейчас. При этом совсем не затрагивались два напрашивающихся вопроса. Первый из них: о местонахождении на временной оси находится той точки, выше которой по временной оси мы все-таки были бы склонны считать хронологию достоверной (иными словами, точку хронологического предела достоверности). И второй: а как же, собственно, наша хронологическая система, или система летоисчисления, возникла?

Ответы на эти вопросы – в основной части книги.

В.Т.Поляковский
март 2010 г.